

ПРОФЕССИЯ – РЕЖИССЕР

цы – я хотел дать соответствующий фрагмент литургии, в которой участвует жена Яна – Анна. В Страстную Пятницу Ирена, изгоняемая из дома, бросает присутствующим свое проклятие. Я хотел избежать однозначного противопоставления: здесь поляки молятся – там погибают евреи. Может быть, некоторые молились за погибающих? Мне показалось, что возвышенность пасхальных обрядов, параллельность обоих действий о многом говорит. Еще не знаю, как с этим справляюсь.

понимание польского характера и польской истории, зависимости одного от другого. Об этом все его фильмы. Об этом и эта беседа.

дать мне возможность ее реализовать. Однако кто-то счел, что не я должен был делать этот фильм. "Самсона" признали художественно неудачным, его почти не демонстрировали.

А.М. Как, с твоей точки зрения, эволюционировало польское отношение к Холокосту?

А.В. Я был потрясен политическим фактором: именно левые имели ясное отношение к евреям. Приехав в Израиль, можно услышать: когда мы вышли из гетто, то к счастью, встретили коммунистов.

Анджей Вайда никогда не уходит в тень. С каждым новым фильмом он доказывает, что по-прежнему среди первых в мировом кино. Только что на Берлинском кинофестивале прошла мировая премьера его фильма "Пан Тадеуш".

По весне в Лос-Анджелесе он получает почетный "Оскар" за вклад в киноискусство. Вклад Анджея Вайды в искусство кино неизмерим. И не менее значителен его вклад в

А.М.: Скажи, когда ты первый раз столкнулся с антисемитизмом?

А.В.: Я происхожу из офицерской семьи. В Радоме, где мы жили, польская и еврейская общины были в полной изоляции друг от друга. В начальную школу ходили исключительно польские дети. Потом оказалось, что несколько мальчиков – фольксдойче, там была немецкая колония. Еврейский район жил обособленной жизнью. Мы не знали оттуда никого. Первое проявление антисемитизма, с которым я столкнулся, – передвижная гитлеровская выставка "Мировая зараза еврейства". Ее афишу я храню до сих пор. Страшно, что кое-какие из тех лозунгов все еще находят своего потребителя.

А потом была ликвидация радомского гетто. Я работал тогда в костеле Бернардинов. Художники из Кракова делали фрески. Я им помогал, хотел сам стать художником. Однажды, придя на работу как обычно, в семь часов утра, узнал, что художники всю ночь не сомкнули глаз – именно тогда было ликвидировано гетто. Это происходило тут же, за высокой кирпичной стеной монастыря. Трудно поверить: я жил в трехстах метрах от этого места и спал, не зная ни о чем. Людей выводили – сцены как из "Списка Шиндлера"! – но это происходило вне сознания города! А ведь я не был изолирован от мира. Ориентировался в политической ситуации, участвовал в подполье. Люди исчезли незамеченными. Я до сих пор спрашиваю себя: как это было возможно?

В Варшаве ситуация выглядела несколько иначе. Здесь была интеллигенция. Ян из "Страстной Недели" знает Ирену, еврейку, оба они принадлежат к одному кругу. Если бы у нас были в Радоме знакомые евреи, думаю, моя мать велла бы себя так же, как жена Яна. Но мы никого не знали.

А.М.: Почему ты так углубляешься в еврейскую тему? Кружишь вокруг нее годами. Варшавское гетто появилось у тебя уже в 60-м году, в "Самсоне", затем в "Корчаке".

А.В.: Уже в "Поколении" есть сюжет о еврейском мальчике, который выбирается из гетто. Ясь Кроне не принимает его, и мальчик уходит. Вероятно, погибает. Там также есть сцена спасения Спротивлением группы евреев, вышедших из гетто каналами. Помню, картину снимали днем, что казалась неправдоподобным. Только спустя годы я услышал подтверждение от Марека Эдельмана – так оно и происходило, при солнечном свете. Также подтвердилось, что единственной польской группой, пытавшейся прорваться в гетто, был отряд "Старых Шеренг". В "Страстной Неделе" брат Яна Малецкого – он идет на помощь повстанцам – состоит в "Старых Шеренгах".

А.М.: Анджей, встречался ли ты после войны с близкими тебе людьми, которые говорили: не берись за эти темы?

А.В.: Нет... В то же время я сам думаю, что совершил ошибку, вторгаясь не в свою тему. Мне дали об этом понять. Я считал "Самсона" прекрасной повестью. Казимеж Брандыс сделал все, чтобы

После войны коммунисты были в выигрыше. Они были в порядке. Все остальные – нет. У остальных в этом вопросе была нечеткая позиция. И получилось так: достойное поведение по отношению к евреям стало как бы собственностью коммунистов. Этим объясняется моя пассивность в 68-м году. Я стоял в стороне. Не был в партии. Не хотел быть ангажированным ни той, ни другой стороной. Неприятно, но я так это почувствовал.

А.М.: У тебя самого никогда не было соблазна антисемитизма?

А.В.: Ищу... Пожалуй, нет.

Например, я обязан Александру Форду тем, что в 54-м году мог дебютировать. Однако потом он стал моим главным оппонентом. Нашумевшим было его высказывание: от "Тепла и алмаза" останутся только темные очки Цыбульского, ничего больше. Эти люди действительно держали в руках кинематографию.

И это также было причиной моей пассивности в 68-м, о чем я сегодня сожалею. В среде кинематографистов те события создавали впечатление чисто партийной интриги. Вскоре появилась группа Порембы, Филиппского. Возможно, надо было принять участие в борьбе на другой стороне, против них...

А.М.: Не присутствует ли в польско-еврейских отношениях то, что называют "триумф боли": поляки ощущают, что евреи что-то у них забрали. Пальму мученичества... Евреи, в свою очередь, думают, что поляки хотят у них что-то отобрать. Конфликт вокруг Освенцима – классический пример этого безнадежного спора.

Т.С.: Казимеж Брандыс записал в "Мессяцах": "Антисемитами не являются все, но антисемитизм есть в каждом, ибо само существование евреев напоминает людям о том, что они не невиновны". Если описанное Анджеевским – так темно и унижительно, то нужно сказать: эта ситуация – человеческая. Если мы должны стыдиться, то за все человечество, равнодушное к чужому страданию и гибели, как итальянские торговцы из стихов Чеслава Милоша "Поле цветов". Один гуманный жест может спасти раненую совесть человечества. Ибо каков иной выход?

А.М.: Думаю, что главной мыслью нашей беседы является приведенный Анджеем рассказ Блоньского о двух людях во время оккупации, поляке и еврее, как бы отделенных невидимым стеклом.

А.В.: Вероятно, и я встречал таких людей на улице, но их не заметил, слишком занятый своими делами, своей молодостью, самим собой. Так это было.

● Кадр из фильма «Страстная Неделя»

● Анджей Вайда. 60-е